

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Стихи из комода

ФТМ

УДК 82-1
ББК 84(Сое)5
Д45

EMILY ELIZABETH DICKINSON
Poems from a Drawer

*Перевод с английского,
вступительная статья Г. Кружкова*

Дикинсон Э.

Д45 Стихи из комода : [сборник] / Эмили Дикинсон ; [на англ. яз. ; пер. с англ., вступ. ст. Г. Кружкова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — 252 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74880-8

Природа, любовь, таинство жизни и смерти — основные темы «Стихов из комода», по достоинству оцененных лишь в начале XX века. Поэзию Э. Дикинсон отличают особая, очень личная интонация, а ее неповторимую атмосферу, «воздух» создают богатство и прихотливость ассоциаций и необыкновенная свежесть восприятия, непосредственность чувства и видения.

УДК 82-1
ББК 84(Сое)5

© Кружков Г. М., перевод
на русский язык, вступительная статья, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74880-8

ЭТА СТРАННАЯ МИСС ДИКИНСОН

Мы вырастаем из любви —
И прячем вещь в комод —
Пока на бабушкин фасон
Вновь мода не придет.

Э. Дикинсон

Канва ее жизни проста и хорошо известна. Семья Дикинсонов занимала почтенное положение в Амхерсте, штат Массачусетс. Дед поэтессы был одним из основателей Амхерстского колледжа, где ее отец служил казначеем, одновременно занимаясь адвокатской практикой и политической деятельностью — однажды он даже избирался в Палату представителей Конгресса США. Выросшие дети не разлетелись из гнезда: старший брат Остин, женившись, жил в соседнем доме, младшая сестра Лавиния, как и Эмили, не вышла замуж.

Главным событием молодости Эмили Дикинсон стала, по-видимому, дружба с молодым адвокатом Бенджамином Ньютоном, проходившим практику в конторе ее отца. Он руководил чтением, учил восхищаться великой поэзией, понимать красоту и величие мира. В 1850 году он уехал из Амхерста, а три года спустя умер. Много позднее Дикинсон вспоминала: «Когда я была еще совсем девочкой, у меня был друг, учивший меня Бессмертию, — но он отважился подойти к нему слишком близко — и уже не вернулся».

В разлуке с Ньютоном у Эмили созрела мысль посвятить свою жизнь поэзии. Но после смерти старшего друга источник ее стихов пересох. Новое дыхание пришло в конце 1850-х годов, в разгар эпистолярного романа с сорокалетним священником из Филадельфии Чарльзом Уодсвортом. Была ли это любовь, душевная привязанность или мистическая близость, ясно одно — это было чувство исключительной интенсивности. Оно породило настоящий творческий взрыв: подсчитано, что только за три года, с 1862-го по 1864-й, ею было написано более семисот стихотворений.

В том же самом 1862 году случилось так, что Эмили Дикинсон завязала переписку с известным в Новой

Англии литератором Томасом Хиггинсоном, ставшим на многие годы ее постоянным корреспондентом и «поэтическим наставником», а также издателем первого ее сборника стихов — но уже после смерти поэтессы.

Я взял слова «поэтический наставник» в кавычки, потому что их отношения были своеобразны: в каждом письме Эмили просила у Хиггинсона оценки и совета, называла себя смиренной ученицей, но ни разу не воспользовалась его советами и продолжала все делать по-своему. А он указывал на просчеты и огрехи в ее стихах — неправильные ритмы и рифмы, странную грамматику — все, что было индивидуальной, во многом новаторской манерой Дикинсон и что сумели адекватно оценить лишь критики XX века.

Литературное наследие Эмили Дикинсон — около тысячи восьмисот стихотворений, большая часть которых была найдена в комодке после ее смерти, и три тома писем, многие из которых не менее замечательны, чем ее стихи. Особенно интересны первые письма Томасу Хиггинсону, в которых она сообщает некоторые штрихи к своему портрету, чтобы собеседник мог ее себе представить. Вот некоторые из этих штрихов.

Внешность.

«...Я не вышла ростом, как мне кажется... Я маленькая, как птичка-крапивник, и волосы у меня грубые, как колючки на каштане, а глаза — как вишни на дне бокала, из которого гость выпил коктейль. Ну как?» (Когда через восемь лет Т. Хиггинсон заехал к ней в гости, он увидел перед собой «маленькую некрасивую женщину», — если верить тому, что он писал в письме жене, но ведь благо-разумный муж и должен был написать: «некрасивую» — во избежание семейных осложнений.)

О друзьях и занятиях.

«Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец... Думаю, Карло понравился бы Вам — он храбрый и глупый... Когда я, маленькой девочкой, часто ходила в лес, мне говорили, что меня может укусить змея, что я могу сорвать ядовитый цветок или что гномы могут меня похитить, но я продолжала ходить в лес и не встречала там никого, кроме ангелов, которые меня стеснялись больше, чем я их...»

О своих стихах.

«Разум так близко к самому себе — он не может достаточно ясно видеть, а посоветоваться мне не с кем... Я не писала стихов — разве что одно или два до этой зимы, сэр. Я испытывала страх — начиная с сентября — и не могла никому рассказать об этом, — и я пою, как мальчишка поет на кладбище, потому что боюсь...

Умирая, мой Учитель говорил, что хотел бы дожить до того времени, когда я стану поэтом, но Смерть оказалась сильнее, я не смогла совладать с ней. И когда много позже неожиданное освещение в саду или новый звук в шуме ветра вдруг захватывали мое внимание, меня сковывал паралич — только стихи освобождали от него...

Я счастлива быть Вашей ученицей и заслужу доброту, за которую пока не могу отплатить... Будете ли Вы указывать на мои ошибки — честно, как самому себе? Я не умру — только поморщусь от боли. К хирургу обращаются не за тем, чтобы он похвалил вашу кость, а чтобы вправил ее... Ведь я всего лишь кенгуру в чертогах Красоты...»¹

До двадцати пяти лет Эмили была обычной культурной барышней, ничем особенно не выделявшейся из своего круга; но чем глубже она погружалась в писание стихов, тем больше ее внутренний мир вытеснял внешний. С 1864 года она уже не покидала Амхерст, с 1870-х практически не выходила из дому. Одной из причин была болезненная стеснительность, следствие обостренной чувствительности, — она воспринимала все так остро, что прямой контакт с внешним миром ранил ее. Другой причиной было сознательное самоограничение:

Кто так не жаждал — тот не знал
Безумия глубин —
Пир воздержания затмит
Пирь обычных вин —

Когда желанное у губ —
Но капли не испей —

¹ Отрывки из писем здесь и далее даются в переводе А. Гаврилова; стихи — в переводе автора статьи.

Чтоб грубо не расторгла явь
Сверкающих цепей —

(1430)

Да и к чему экипажи и поезда, если воображение может гораздо больше? «Страницы книги — паруса, / Влекущие фрегат, / Стихи быстрее скакуна / В любую даль умчат...» Так постепенно она превращалась для соседей и знакомых в «эту странную мисс Дикинсон», впрочем неизменно доброжелательную к людям, но предпочитавшую жизнь добровольной затворницы. Нет, она не разорвала связей с миром, но эти связи все более принимали эпистолярный характер. В числе друзей Эмили по переписке были ее кузины Луиза и Франсис Норкросс, мистер Холланд, редактор газеты «Спрингфилд рипабλικен», и его жена Элизабет Холланд, соредактор той же газеты, блестящий журналист Сэмюел Боулз, упомянутые уже Чарльз Уодсворт и Томас Хиггинсон, жена преподавателя Амхерстского колледжа миссис Мейбл Тодд, судья Отис Лорд (ее последняя любовь), а также жена брата Сюзен, жившая в соседнем доме, но постоянно получавшая от Эмили записки и стихи.

Так что не нужно думать, что Эмили писала только «в стол», у нее был целый круг друзей, которым она регулярно, начиная с 1860-х годов, посылала свои стихотворения, некоторые — сразу по нескольким адресам.

Здесь возникает неожиданная параллель с Джоном Донном, основоположником «метафизической школы», который ведь тоже писал для узкого круга друзей и знакомых; его стихи были изданы через два года после смерти.

Эмили Дикинсон не читала Донна (в то время почти забытого), она знала и любила лишь его позднего последователя Генри Воэна, тем не менее родство ее поэзии с «метафизической школой» прослеживается довольно четко. Например, склонность к неожиданным сравнениям и привлечение в стихи материала естественных наук. У Донна это астрономия, география, медицина, алхимия, физика и цифрология. В стихах Дикинсон сходным образом мы встречаем и «электрический покой» (физика), и «карбонаты» (химия), и «экспоненту дней» (математика), и специальные термины из астрономии и ботаники. Еще более важно, что у Дикинсон, как и у Донна, внимание сосредото-

точено на «последних» вопросах бытия — душа, смерть, бессмертие. Ее стихи о смерти по своему числу и концентрации могут соперничать с погребальными элегиями и «священными сонетами» поэта-священника.

Смерть, отопрй врата —
Впусти своих овец!
Скитаньям положи предел,
Усталости — конец.

Твоя овчарня — ночь,
Озноб и тишина —
Невыносимо Ты близка —
Немыслимо нежна.

(1065)

В ряде стихов Эмили Дикинсон, так же как у испанского поэта XVII века Хуана де ла Круса, происходит мистическое слияние Души в образе Невесты с ее возлюбленным Женихом. Воспринимать их можно в двух планах — как выражение земной любви и любви небесной, обращенной к Богу.

Титул божественный — мой!
Без аналога — Жена!
Императрица Голгофы —
Вот как я наречена!

Эти стихи 1862 года — и некоторые другие «новобрачные стихи» того же периода — обычно связывают с Чарльзом Уодсвортом, к которому Дикинсон испытывала нежную преданность (без всяких реальных притязаний на респектабельного отца семейства). Но адресат здесь не важен, важна сама страсть — безудержная эманация любви, исходящая из источника одинокого женского сердца.

Что-то в этом накале чувства — всепоглощающего и затаенного, скованного «сверкающею цепью» самоограничения, — есть отчетливо монашеское. Кажется, примерно в середине 1860-х годов Дикинсон окончательно избрала свою добровольную схиму. В это же время она и стала всегда носить простое белое платье — наряд, сделавшийся неразлучным с образом затворницы из Амхерста.

А было это — видит Бог —
Торжественное дело —

Стать непорочной тайною —
Стать Женщиною в Белом —

Святое дело — бросить жизнь
В бездонную пурпурность
И ждать — почти что Вечность — ждать —
Чтобы она — вернулась —

(271)

Пурпурный цвет у Дикинсон — цвет триумфа и славы. Она бесконечно сомневалась в себе, самоуничижалась, и все-таки сознание своей поэтической правоты не оставляло поэтессу. Недаром в ее предсмертной записке стоит лишь два слова: «Called back». *Отозвана*. Если отозвана, значит, была *призвана* — значит, верила в свое призвание, послание. В то, что — говоря словами Марины Цветаевой — «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Дикинсон нередко сравнивают с Цветаевой — по увлекающемуся складу характера и по внешнему виду ее стихов, разорванных многочисленными тире. Сходство действительно есть. В письмах — эмоциональных, афористичных, порой загадочно-туманных — оно, пожалуй, выражено отчетливей. Но стихи Дикинсон — не так и не про то. Разве что похоже обилие сверхграмматических тире, которые, как и у Цветаевой, служат знаками интонации.

Вообще говоря, использование тире в конце предложений вместо точки или многоточия соответствует английской эпистолярной традиции XIX века. Но если в русском тексте ставить вместо тире точку или многоточие, эффект будет совсем другой. Дело в том, что точка, как резко нажатый тормоз, останавливает течение речи; после точки разгон стиха следует начинать заново. Другое дело — тире. Его функция двойная: тире одновременно *разъединяет и соединяет* отрезки речи. Делая необходимую паузу, оно в то же время сохраняет инерцию речи, ведет голос вверх и обещает продолжение. Вот почему в своих переводах я старался сохранить эту особенность пунктуации Дикинсон — и в конце, и внутри предложений. Другая особенность, написание существительных с прописной буквы (что по-русски выглядит более необычно, чем по-английски), сохранена выборочно и минимально — лишь там, где выделение слова казалось действительно необходимым.